

КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ С ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

А. А. Папейко (Мозилёв, Беларусь)

В ходе работы над диссертационным исследованием «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI века в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование» нами была собрана картотека цитат, насчитывающая более 25 тыс. случаев употребления лексических репрезентантов следующих концептов: жизнь, смерть, мир, война, время, родина, любовь, душа, человек, бог. Текстовым материалом послужили поэтические произведения 32 авторов с общим объемом более 2,2 млн словоупотреблений.

Одним из авторов первого изучаемого нами периода – поэзии Серебряного века – стала М. И. Цветаева. Ниже мы остановимся на рассмотрении некоторых особенностей относительно немногочисленной, но чрезвычайно важной в образно-семантическом плане группы сравнительных конструкций, содержащих лексему жизнь, в сопоставлении с субстантивными метафорами.

Вообще, образное осмысление и введение жизни в поэтический дискурс путём сравнения свойственно Марине Цветаевой в значительно меньшей степени, нежели в случае с метафорой, о чём говорит количественное соотношение данных средств, приблизительно равное 1 : 10. Очевидно, это объясняется тем, что сравнение, в отличие от метафоры, подразумевает употребление в тексте обязательных формальных показателей сравнения – как, словно, подобно и др. (в том числе формы творительного падежа имени существительного в значении сравнения), а также обладает несколько меньшей образностью в силу того, что в отношении уподобления оказываются вовлечены прямые значения предметов, явлений, понятий (см., например, источники 1–3). В то же время поэтика М. И. Цветаевой характеризуется максимальной экспрессивностью, эмоциональностью, концентрированностью изложения вкупе с экономией языковых средств, что вступает в противоречие даже с потенциальной формализацией и многословием, снижающими образность и полисемантическую авторского текста.

Итак, мы зафиксировали следующие объекты для сравнения жизни: книга, копейка, корабль, сад, скорлупа. Каждый из перечисленных номинантов в целом соотносится с той или иной подгруппой субстантивных метафор, причём это совпадение затрагивает как план «внешней оболочки», собственно «имени» репрезентанта, так и его содержания.

Полное совпадение с зафиксированным в группе метафор мы наблюдаем в случае сравнительной конструкции, включающей творительный падеж имени существительного сад. Расцветающий в зимний день, сад символизирует неповторимую красоту жизни, наполненной и движимой любовью, которая одновременно является и одухотворяющим началом, и неотъемлемым высшим правом, и самой сутью жизни достойного её человека. Однако наполненная любовью, подчинённая любви жизнь отдельного человека вступает в противоречие с жизнью как окружающей реальностью, репрезентированной в нашем примере сочетанием зимний день и создающей непреодолимые преграды для реализации интенций личности, что в конечном итоге приводит к физической гибели непохожего на окружение, не подчиняющегося общепринятым правилам индивида: Спите ж вы, чья жизнь богатым садом / В зимний день, средь снега, расцвела... Для сравнения приведём цитату со словом сад, отнесённую к группе метафор (вообще, в ряде случаев чёткое разграничение метафоры и сравнения представляется проблематичным; приведенную ниже цитату мы посчитали возможным отнести именно к метафорам по той причине, что форма творительного падежа вызвана, в первую очередь, формой прошедшего времени связки быть, которая в форме настоящего времени не находит материального выражения и тем обуславливает именительный падеж существитель-

ного, выступающего в функции сказуемого): Ваши белые могилки рядом, / Ту же песнь поют колокола / Двум сердцам, которых жизнь была / В зимний день светло расцветшим садом.

Репрезентант книга может быть по формальному признаку соотнесён с подгруппой литературных и/или фольклорных произведений (куда в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой входят поэма, роман, сказка, стихи), хотя на семантическом уровне он в большей степени соответствует метафорическому сопоставлению с тайной, что затрагивает вопрос о понимании смысла жизни, возможности его постижения и выражения. Интересно, что автору, по свидетельству от первого лица, этот смысл открыт, что позиционируется в следующем примере метафорического осмысления: Знаю всё, что было, всё, что будет, / Знаю всю глухонемую тайну, / Что на тёмном, на косноязычном / Языке людском зовется – Жизнь. Показательно, что выразить смысл жизни (в авторском понимании) словами невозможно, потому что язык людей для этого явно не приспособлен, недостаточно хорош (что, к слову, является косвенным выражением отношения автора к окружающим, их не прямой оценкой: на тёмном, на косноязычном / Языке людском). Апелляция же к жизни как книге вводит дополнительный – темпоральный – компонент понимания смысла; «уровень понимания» жизни с течением времени может измениться, причём, как ни парадоксально, с возрастом человек отдаляется от истинного видения, поэтому лучшей альтернативой представляется своевременное прекращение жизни: О, дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня.

Вторичный номинант копейка в силу общего значения предметности можно отнести к игровой атрибутике либо предметам воздействия, однако в семантическом плане он затрагивает именно оценочную сторону, служит средством выражения субъективного восприятия жизни как не имеющей никакой ценности. Измеряя «стоймость» жизни, Марина Цветаева не только выражает её словом со значением минимального денежного эквивалента, но и подчёркивает минимальность усиливающим определением ржавая. Важно также, что в данный контекст включается глагол выпасть, обозначающий в нашем случае возможность потери жизни: Враз обе рученьки разжал, – / Жизнь выпала – копеекой ржавою!

Объект сравнения корабль соотносит осмысление жизни с подгруппой транспорта, однако в случае сравнения наблюдается существенный смысловой акцент. Если транспорт в подгруппе метафор (поезд, рельсы) характеризует жизнь как возможное и даже неизбежное перемещение по заданному маршруту, то сравнение с кораблём означает в первую очередь искажённость маршрута, недостижение цели, символизируя тем самым тщетность прилагаемых усилий: Жизнь подобна кораблю: / Чуть испанский замок – мимо!

Сравнение жизни со скорлупой (подобно примеру со ржавой копеекой) может быть соотнесено с подгруппами субстантивных метафор, объединённых общей семантикой предметности, однако сигнификативное наполнение языкового знака оказывается несколько иным, включая при этом следующие основные семы. Первая – это характеристика жизни как чего-то непрочного, легко разрушаемого: уничтожить, сломать, отнять жизнь (в прямом или переносном смысле) настолько же просто, как разбить яичную скорлупу. Вторая – это субъективная оценка жизни как чего-то лишённого даже намёка на какую бы то ни было ценность, важность, значительность, что устанавливает реминисцентные связи с устойчивым выражением «выеденное яйцо» в значении чего-либо пустого, никчёмного, не заслуживающего никакого внимания. Наконец, третья – это подразумеваемое разделение жизни на внешнюю, заметную окружающим, и внутреннюю, скрытую, безусловно более значимую, что соотносится с разделением яйца на внешнюю защитную скорлупу-оболочку и содержимое. Данные семы в совокупности образуют многослойный художественный образ с изначально заложенной в нём поливариантностью восприятия, а итоговая «расшифровка» этого художественного образа (о вариативности интерпретации художественного текста как передаваемого и принимаемого сообщения в процессе речевой деятельности см., например, источник 4) зависит от индивидуальных особенностей, установок, предпочтений адресата-читателя: Как скорлупою треснувшей – / Жизнь с её грузом мужей и жён.

В заключение сформулируем основные выводы.

1. Языковые средства выразительности в поэтических произведениях М. И. Цветаевой имеют чёткую направленность на усиление экспрессии; одним из приёмов при этом становится языковая экономия, ведущая к повышению информативной концентрированности дискурса и проявляющаяся в преобладании субстантивных метафор над сравнениями.

2. Сравнительные обороты, содержащие репрезентант жизнь, в формальном и содержательном плане подобны соотносительным субстантивным метафорам; вместе с тем сопоставление конкретных случаев употребления жизни в двух рассматриваемых группах обнаруживает ряд существенных семантических, экспрессивных, образных отличий.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Твердохлеб, О. Г. Объекты сравнения в поэзии Н. С. Гумилёва / О. Г. Твердохлеб // Вестник Пермского университета. Серия : Российская и зарубежная филология. – 2016, Вып. 3 (35). – С. 59–66.
3. Папейко, А. А. Некоторые виды конструкций со значением сравнения в поэтических текстах Ольги Залеской (при изучении русского языка как иностранного) / А. А. Папейко // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь : Сборник научных статей по материалам Республиканской научной конференции, г. Могилев, 2–3 ноября 2010 г. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – С. 259–263.
4. Супрун, А. Е. Лекции по теории речевой деятельности / А. Е. Супрун. – Минск : Белорусский фонд Сороса, 1996. – 287 с.